

✓ Моск. комсомолец,
1978, 13 авг.

ПЕЧАТАЕТСЯ
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Л. АННИНСКИЙ

ТОЛСТОВСКИЙ ЭКРАН

МЕЖДУ тем в Москве сторожили момент, ког-

да Толстой выедет из Крекшина. На сей раз

Дранков был уверен, что не опоздает: за соответ-

ствующую благодарность кучер обещал его пре-

дупредить. Кучер не подвел, и в назначенный

час, 18 сентября 1909 года, в 14.00, Дранков в

полной готовности стоял со своей треногой на

крекшинской платформе.

Подъехал тарантас, из него вышли Софья Анд-

реевна и Александра Львовна. Дранков простро-

чил. Подъехал другой тарантас: Чертков, Голь-

денвейзер, Тапсель. Дранков дал еще очередь.

Толстого не было.

Толстой отстал от всех: две версты от дома до

поезда он решил пройти пешком. Подходя к

станции, Толстой издали разглядел на платфор-

ме Дранкова. Лев Николаевич, как уже говори-

лось, за десять крекшинских дней научился с

юмором относиться к кинематографщикам. Оце-

нив ситуацию, он повернулся обратно в лес:

— **Пойду грибы искать!**

Чертков и молодой Сергеев за ним: поезд

мог подойти с минуты на минуту. Что ж, и это

был сюжет! Дранков снял выход всей группы из

леса с беглецом во главе. Снял носильщиков, та-

скающих вещи Толстых. И, наконец, снял луч-

шее: проход по платформе Льва Николаевича под

руку с Софьей Андреевной. Роскошный проход!

Белая борода на две стороны по черной толстов-

ке! Дранков, конечно, не знал драматичной под-

ноготной этой сцены. Не знал, что Софья Андре-

евна неспроста уговорила мужа сняться вместе:

она была в ярости на Черткова и, как умела, пы-

талась противостоять ему в борьбе за Льва Нико-

лаевича: к осени 1909 года уже определились си-

лы, противоборство которых год спустя свело

Толстого в могилу. Дранков всего этого не знал,

не мог знать, да вряд ли и захотел бы знать. Он

— строчил.

Отстрочил посадку, прыгнул в вагон и поехал с

Толстым в Москву.

И вот в поезде — впервые — Толстой заинте-

ресовался тем, что же такое получается в резуль-

тате этого строчения. В вагоне хватало людей, го-

товых ответить на этот вопрос: С. Спиро, А. Голь-

денвейзер, В. Чертков. Толстому ответили: полу-

чается **фильма**. А что это такое? Тут Дранков

вступил в разговор и изъявил живейшее желание

доставить таковую в Ясную Поляну в полное и

безраздельное распоряжение Толстых (есть ос-

нования полагать, что для надежности Дранков

обратился с этим предложением и к Софье Андре-

евне). Разговор ширился. Кто-то предложил

нынче же вечером сводить Льва Николаевича в

синематограф. Лев Николаевич ответил, что луч-

ше пойдет в балет. Ему сказали, что в нынешний

вечер не будет балетного представления. Тог-

да Толстой согласился сходить в синематограф.

Он был в благодушном настроении.

Подъехали к Москве, поезд остановился. Тол-

стой выглянул и крикнул весело:

— **Смотрите, а синематограф уже здесь, и**

уже нас снимают!

Дранков, спрыгнув первым, уже строчил.

Чертков пошел впереди, раздвигая толпу:

— Господа, господа, пожалуйста, посторонитесь!

Не загораживайте Льва Николаевича оператору!

— Какой-то ретивый городской бросился тес-

нить публику и широкой спиной загородил ап-

парат.

Толстой спросил:

— **Скажите, а этот городской тоже выйдет на**

картине?

— Выйдет, Лев Николаевич! — улыбнулся

Дранков, продолжая крутить.

— **Это хорошо, что он тоже выйдет...**

Толпа стояла кольцом.

— **Как это комично, все это снятие...** Ну

что он все вертит и вертит? Польза какая?

— **Для него польза, Лев Николаевич,** —

веско ответили из толпы.

Толстой рассмеялся и пошел к экипажу.

Дранков прыгнул на извозчика и понесся в Ха-

мовники — снимать приезд...

... То был последний приезд Толстого в его

московский дом. Были приглашены гости: депутат

Думы В. Маклаков, крестьянский писатель С. Се-

менов, профессор консерватории А. Гольденвей-

зер... Опять заговорили о синематографе. И тут

Толстой, в прекрасном настроении, стал показы-

вать гостям, как смешно синематографщики, сня-

мая, перебегают с места на место. Оказывается,

во время съемки ему все время хотелось выкинуть

какую-нибудь штуку, а ведь надо было сохранять

серьезность.

Тогда Маклаков напомнил, что хотели съездить

в синематограф, и тотчас все, во главе с Толстым,

отправились, как выразился Семенов, «посмот-

реть на это новое развлечение городских жите-

лей».

БЛИЖАЙШИМ к Хамовникам был синематог-

раф Гехтмана на Арбате, угол Б. Афа-

насьевского. Назывался он громко: «Большой Па-

рижский (I) кинотеатр» — и был по фасаду ук-

рашен электрическими лампами; над входом

Толстой мог также увидеть большое полотнище,

на котором была намалевана африканская пусты-

ня с пирамидами и львами.

Поднялись в залу. Все скамьи оказались заня-

ты. Тогда хозяин вынес дополнительные стулья и

рассадил гостей, появление которых произвело

среди зрителей волнение.

Погас свет, замигал экран, и тапер ударил по

клавишам. Как только раздалась эта музыка,

Толстой с немим вопросом обернулся к Гольден-

вейзеру. Знаменитый музыкант жестом успокоил

его: ничего, ничего!

Показали виды, мелодраму и комическую, после

чего механик выскочил из раскалившейся

будки и объявил перерыв. Публика достала се-

мечки.

Толстой поднялся и пошел к выходу.

Его остановили:

— Лев Николаевич! Программа не кончена —

разве мы не будем смотреть дальше?

Толстой покачал головой: нет. Потом прогово-

рил:

— **Ужасно... Глупо. У них же совсем нет вкуса!**

И двинулся дальше. В публике произошло дви-

жение, видимо, люди не знали, какое зрелище

выбрать: живого Толстого или продолжение кино-

программы, за которую плачены кровные гривен-

ники. Многие все же предпочли Толстого и побе-

жали за ним по лестнице. Кто-то искал извозчика;

Толстой ждал на тротуаре; вокруг быстро собира-

лась толпа. Какой-то мужчина вынул записную

книжку, протянул: напишите что-нибудь. Толстой

заколебался.

— Лев Николаевич! Голубчик! Хоть крестик

поставьте! Ведь благодаря вам я пить бросил!

Толстой быстро расписался, сел в подъехавший

экипаж, кивнул толпе и уехал.

В дневнике:

«**Пошел в кинематограф. Оч. нехорошо.**»

(НАЧАЛО см. в №№ 180, 181, 183, 184).